

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.072
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-76-85>
EDN: GUCLSV

Поступила: 15.10.2024
Принята: 05.03.2025
Опубликована: 10.04.2025

САМОРЕГУЛЯЦИЯ И СУБЪЕКТНОСТЬ: ПЕРЕСЕЧЕНИЕ СИСТЕМ

Калугин Алексей Юрьевич, Митрофанова Елена Николаевна,

Скорынин Андрей Александрович

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь)

В статье на эмпирическом уровне предпринята попытка соотнести между собой феномены субъектности и саморегуляции. Как показывают теоретические и эмпирические исследования, данные феномены тесно связаны. Однако нет однозначного понимания их соотношения: является ли саморегуляция частью субъектности, представляет ли самостоятельный феномен или имеет место пересечение систем? При этом субъектность видится нам как более фундаментальное явление, поэтому субъектность не рассматривалась как часть саморегуляции. В эмпирическом исследовании строились и тестились несколько альтернативных моделей: 1) модель, предполагающая, что субъектность и саморегуляция представляют единый феномен (однофакторная); 2) модель, предполагающая, что саморегуляция является компонентом субъектности; 3) модель, предполагающая, что субъектность и саморегуляция — два независимых феномена; 4) модель, предполагающая взаимосвязь субъектности и саморегуляции; 5) модель, предполагающая пересечение систем, при котором субъектность использует отдельные свойства саморегуляции, а саморегуляция использует отдельные свойства субъектности, при этом оба феномена понимаются как самостоятельные. Приоритет отдавался последней модели. Проверка согласованности моделей эмпирическим данным осуществлялась на выборке 184 чел. в возрасте от 15 до 53 лет ($M = 20.49$, $SD = 7.34$), из них 104 женщины и 80 мужчин. Преимущественно это были студенты вузов и ссузов. Использовались методики «Уровень развития субъектности личности» (УРСЛ) М.А. Щукиной и опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ 2020». Основным статистическим методом было моделирование структурными уравнениями. Наиболее согласованной с данными оказалась модель пересекающихся систем.

Ключевые слова: субъект, субъектность, саморегуляция, системы, моделирование структурными уравнениями.

Для цитирования:

Калугин А.Ю., Митрофанова Е.Н., Скорынин А.А. Саморегуляция и субъектность: пересечение систем // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 1. С. 76–85. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-76-85>. EDN: GUCLSV

SELF-REGULATION AND SUBJECTNESS: THE INTERSECTION OF THE SYSTEMS

Alexey Yu. Kalugin, Elena N. Mitrofanova, Andrey A. Skorynin

Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm)

The article attempts to correlate the phenomena of subjectness and self-regulation at the empirical level. As theoretical and empirical studies show, these phenomena are closely related. However, there is no unambiguous understanding of their relationship: is self-regulation part of subjectness, is it an independent phenomenon, or is there an intersection of the systems? Subjectness seems to us to be a more fundamental phenomenon; therefore, subjectness was not considered as part of self-regulation. In the empirical study, several alternative models were constructed and tested: 1) a model assuming that subjectness and self-regulation are a single phenomenon (a single-factor model); 2) a model assuming that self-regulation is a component of subjectness; 3) a model assuming that subjectness and self-regulation are two independent phenomena; 4) a model assuming a relationship between subjectness and self-regulation; 5) a model assuming an intersection of the systems, in which case subjectness uses certain properties of self-regulation, while self-regulation uses certain properties of subjectness, with both phenomena being understood as independent. Priority was given to the latter model. The models' consistency with the empirical data was tested on a sample of 184 people aged 15 to 53 ($M = 20.49$, $SD = 7.34$), including 104 women and 80 men. These were mostly students of higher and secondary specialized educational institutions. The methods used were «The Development Level of a Person's Subjectness» by M.A. Shchukina and the questionnaire «Behavior Self-Regulation Style – SSPM 2020» by V.I. Morosanova. The main statistical method was structural equation modeling. The intersecting systems model turned out to be most consistent with the data.

Keywords: subject, subjectness, self-regulation, systems, structural equation modeling.

To cite:

Kalugin A.Yu., Mitrofanova E.N., Skorynin A.A. [Self-regulation and subjectness: the intersection of the systems]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 1, pp. 76–85 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-76-85>, EDN: GUCLSV

Введение. Саморегуляция и субъектность: проблема соотношения понятий

При рассмотрении субъекта и субъектности часто упоминается феномен саморегуляции. По выражению А.В. Брушлинского, «психология субъекта характеризуется высшим уровнем саморегуляции и детерминации» [Брушлинский А.В., 2003, с. 16].

Саморегуляции субъекта посвящены работы О.А. Конопкина. По О.А. Конопкину, осознанная саморегуляция выступает критерием субъектности [Конопкин О.А., 2012, с. 97]. Общая способность к саморегуляции не зависит от характеристик того или иного вида деятельности, а является обобщенным умением регуляции, аб-

страгированным от конкретных особенностей определенных видов деятельности. В процессе развития ребенка усложняется и развивается его произвольная активность, по мере этого происходит рост и развитие системы саморегуляции. Важнейшим качеством саморегуляции является ее произвольность. Произвольность понимается как реальный психический механизм, как качество активности, реализуемое в подчиненности желаниям, намерениям, целям, осознаваемым потребностям [Конопкин О.А., 2012].

А.К. Осницкий, разрабатывая категорию «субъектной активности», отмечает, что осознанная саморегуляция — это форма существования субъектности [Осницкий А.К., 1996,

с. 18]. Субъектность же понимается как специфическая целостная характеристика активности человека [Осницкий А.К., 2008].

Саморегуляция, по В.И. Моросановой, служит функциональным средством субъекта, который позволяет ему мобилизовать личностные и когнитивные возможности для реализации собственной активности, именно исследования осознанной саморегуляции позволяют психологии субъекта выйти на конкретно-психологический уровень. В.И. Моросанова следующим образом раскрывает основное понятие своих исследований: «Психическая саморегуляция — это многоуровневая и динамическая метасистема психологических процессов, состояний и свойств, являющаяся инструментом инициации и поддержания активности, направленной на осознанное выдвижение и достижение субъектных целей. При этом осознанная саморегуляция понимается нами как высший управляющий уровень психической саморегуляции, осуществляемой на основе рефлексивных представлений о ее цели, способах и средствах» [Моросанова В.И., 2022, с. 58–59]. Регуляторно-личностные качества, по В.И. Моросановой, являются субъектными (инструментальные свойства, которые определяют операционально-когнитивный профиль, то, как действует человек), которые она предлагает отличать от собственно личностных (содержание целей и смыслов). Саморегуляция произвольной активности понимается как основа субъектной активности [Моросанова В.И., 2022] и как психологический механизм субъектности [Моросанова В.И., 2012]. Автор указывает, что основными критериями выделения субъекта являются: активность, социальность, целостность, способность к саморегуляции и самоорганизации жизни как стадии становления субъектности [Моросанова В.И., 2012, с. 58]. Таким образом, «развитие индивидуальности как субъекта — это развитие целостной системы саморегуляции... важнейшим критерием должно служить становление психической регуляции — сначала произвольной, а затем осознанной» [Моросанова В.И., 2012, с. 58–59].

Часть исследователей включают саморегуляцию в структуру субъектности (например, [Суворова О.В., 2011, с. 1182]). О.В. Суворовой выделяются следующие компоненты субъектности: рефлексия, саморазвитие, самопринятие, принятие, свобода выбора, уникальность.

На непосредственную взаимосвязь активности субъекта и ее саморегуляции указывает Е.Н. Волкова [Волкова Е.Н. и др., 2012, с. 14]. Становление субъектности у ребенка связано с развитием способности управлять собой, волевой саморегуляцией [Волкова Е.Н. и др., 2012].

Е.А. Сергиенко видит становление субъектности в качестве развития контроля поведения как субъектной регуляции, в который входит три субсистемы — когнитивный контроль, эмоциональный контроль и произвольный (волевой контроль). «Контроль поведения как интегративная характеристика индивидуальности является одной из основ саморегуляции и определяет успешность реализации субъектом собственной активности в различные жизненные периоды, в частности, в подростковом возрасте» [Сергиенко Е.А. и др., 2010, с. 262].

М.А. Щукина отмечает, что в случае трактовки субъектности как способности в отечественной литературе выделяются ее следующие функции: 1) обеспечение возможности осуществления нададаптивной активности, 2) обеспечение возможности осуществления преобразующей активности, 3) возможность осуществлять самодетерминацию и самоопределение, 4) разрешение противоречий, 5) обеспечение эффективности осуществления активности, 6) обеспечение саморегуляции и самоуправления. М.А. Щукиной в качестве основной функции субъектности рассматривается самоуправление, т.к. оно объединяет все перечисленные. Вслед за Л.В. Алексеевой она выделяет следующие компоненты субъектности: активность, автономность, целостность, опосредованность, креативность, самоценность [Щукина М.А., 2004].

Таким образом, можно выделить некоторые линии изучения саморегуляции в связи с субъектностью:

— саморегуляция включается как структурный компонент субъектности; этот подход может быть представлен в двух вариантах: 1) полное присвоение субъектностью характеристик саморегуляции, 2) включение саморегуляции как самостоятельного элемента в структуру субъектности;

— саморегуляция и субъектность выступают как самостоятельные феномены; при этом они могут быть 1) независимы или 2) взаимосвязаны;

– возможен также третий вариант, при котором отдельные характеристики саморегуляции входят в субъектность и отдельные характеристики субъектности входят в саморегуляцию, оставаясь при этом компонентами своих систем. Это гипотеза о пересечении систем [Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю., 2021, 2024].

Цель эмпирического исследования заключается в проверке альтернативных гипотез о взаимодействии субъектности и саморегуляции. В свою очередь, авторы придерживаются третьего варианта (гипотезы) взаимодействия феноменов: субъектность и саморегуляция включаются друг в друга отдельными характеристиками и через это обнаруживают свое взаимодействие.

Метод

Участники исследования

Выборку исследования составили 184 человека в возрасте от 15 до 53 лет ($M = 20.49$, $SD = 7.34$), из них 104 женщины, 80 мужчин. Преимущественно участниками исследования были студенты ссузов и вузов, очного и заочного отделений. Для повышения разнообразия выборки авторы прибегли к технологии «снежного кома», расширяя аудиторию исследования через свои контакты в социальных сетях, агитировали студентов привлекать их родственников и знакомых к участию в исследовании.

Психодиагностический инструментарий

Для оценки характеристик субъектности использовалась методика «Уровень развития субъектности личности» (УРСЛ) М.А. Щукиной, которая включает следующие биполярные шкалы: Активность/реактивность, Автономность/зависимость, Целостность/неинтегративность, Опосредованность/непосредственность, Креативность/репродуктивность, Самоценность/малоценность (ничтожность) [Щукина М.А., 2015].

Для оценки характеристик саморегуляции использовался опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ 2020», включающий следующие шкалы: Планирование целей, Моделирование значимых условий достижения целей, Программирование действий, Оценивание результатов, Гибкость, Надежность, Настойчивость [Моросанова В.И., Кондратюк Н.Г., 2020].

Анализ данных

Для проверки одномерной нормальности использовался критерий Шапиро-Уилка.

Для проверки значимости взаимосвязей между переменными субъектности и саморегуляции был использован критерий ранговой корреляции Спирмена.

Исходя из рассмотренных ранее вариантов взаимодействия субъектности и саморегуляции, строились следующие альтернативные модели:

– Модель 1 (M_1) — характеристики субъектности и саморегуляции включались в общий фактор субъектности.

– Модель 2 (M_2) — характеристики саморегуляции относились к фактору саморегуляции, сам этот фактор выступал наравне с другими характеристиками субъектности (включался в фактор субъектности как в фактор более высокого порядка).

– Модель 3 (M_3) — саморегуляция и субъектность образовывали независимые факторы.

– Модель 4 (M_4) — факторы саморегуляции и субъектности были взаимосвязаны.

– Модель 5 (M_5) — характеристики саморегуляции и субъектности нагружали соответствующие факторы, кроме этого, отдельные характеристики субъектности также были представлены в факторе саморегуляции и отдельные характеристики саморегуляции имели кросс-нагрузки в факторе субъектности, при этом сами факторы были независимы.

В каждой модели были проведены ковариации ошибок ряда показателей, имеющих общую дисперсию, выходящую за рамки дисперсии, объясняемой факторами. При этом ковариации ограничивались пределами измеряемого феномена. Внутри субъектности были проведены ковариации между ошибками следующих переменных: Активность/реактивность – Автономность/зависимость, Целостность/неинтегративность – Опосредованность/непосредственность, Самоценность/малоценность (ничтожность) – Целостность/неинтегративность – Самоценность/малоценность (ничтожность). Внутри саморегуляции были проведены ковариации между ошибками следующих переменных: Программирование действий – Надежность, Программирование действий – Настойчивость, Настойчивость – Гибкость, Настойчивость – Надежность, Надежность – Моделирование значимых условий достижения целей.

Значимые ковариации между ошибками и значимые кросс-нагрузки факторов определялись на основе индексов модификации.

Проверка многомерной нормальности проводилась с помощью критерия Мардия.

В структурном моделировании использовался метод оценки «MLM», устойчивый к ненормальности в данных. Принимались следующие пороги для индексов пригодности: CFI > 0,90 — приемлемое соответствие, CFI > 0,95 — хорошее соответствие [Awang Z., 2012]; RMSEA < 0,08 — приемлемое соответствие, RMSEA < 0,05 — хорошее соответствие [Brown T.A., 2015]; SRMR < 0,08 — хорошее соответствие [Hu L., Bentler P.M., 1999]. В статье приведены устойчивые (робастные) значения CFI и RMSEA, которые вычислялись согласно рекомендациям [Brosseau-Liard P.E. et al. 2012; Brosseau-Liard P.E., Savalei V., 2014].

Альтернативные модели сравнивались по разнице статистики хи-квадрат с поправкой Саторра-Бентлера ($\Delta\chi^2$). Согласно процедуре оценки вложенности-эквивалентности NET (nesting and equivalence testing), предложенной

П.М. Бентлером и А. Саторра [Bentler P. M., Satorra A., 2010], все модели были вложенными в модель M_5 , поэтому сравнивались именно с этой моделью. Если модели имеют одинаковое количество степеней свободы, то они не могут быть вложены друг в друга и являются эквивалентными. Эквивалентные модели можно сравнить с помощью критериев AIC (информационный критерий Акаике) и BIC (байесовский информационный критерий); чем меньше значение этих критериев, тем лучше модель.

Все расчеты производились в среде языка программирования R.

Результаты

Согласно критерию Шапиро-Уилка, эмпирическое распределение переменных значимо отличалось от теоретического нормального распределения, поэтому при проведении корреляционного анализа использовался критерий ранговой корреляции Спирмена. В табл. 1. приведены корреляции между показателями субъектности и саморегуляции.

Таблица 1. Взаимосвязь показателей субъектности и саморегуляции

Table 1. The relationship between the indicators of subjectness and self-regulation

Переменные Variables	Активность/ реактивность Activity/ reactivity	Автономность/ Зависимость Autonomy/ dependence	Целостность/ неинтегративность Integrity/ non-integrity	Опосредованность/ непосредственность Mediation/ immediacy	Креативность/ репродуктивность Creativity/ reproductivity	Самоценность/ малоценность Self-worth/ low self-worth
Планирование	0,43***	0,33***	0,21**	0,52***	0,48***	0,50***
Программирование	0,35***	0,38***	0,47***	0,40***	0,40***	0,31***
Настойчивость	0,45***	0,40***	0,47***	0,57***	0,48***	0,49***
Моделирование	0,39***	0,32***	0,06	0,30***	0,40***	0,43***
Надежность	0,24**	0,20**	-0,20**	0,07	0,14	0,18**
Оценивание результатов	0,23**	0,09	0,10	0,34***	0,21**	0,27***
Гибкость	0,39***	0,28***	0,26***	0,40***	0,39***	0,44***

Примечание: *** — $p < 0,001$; ** — $p < 0,01$.

Note: *** — $p < 0,001$; ** — $p < 0,01$.

Из таблицы видно, что имеются многочисленные значимые взаимосвязи между переменными субъектности и саморегуляции.

Проверка многомерной нормальности по критерию Мардия указывала на наличие многомерной асимметрии (Mardia Skewness = 865,99) и многомерного эксцесса (Mardia Kurtosis = 14,22), поэтому в структурном моделировании был использован устойчивый к ненормальности метод оценки «MLM». В табл. 2 представлены индексы пригодности моделей.

Модели M_3 была наименее согласована с данными (CFI < 0,90; RMSEA > 0,08; SRMR > 0,08), несколько лучше была модель M_1 (CFI < 0,90; RMSEA > 0,08). Модели M_2 и M_4 были эквивалентными, поэтому они имели одинаковые индексы пригодности, модели были приемлемыми по критериям CFI (> 0,90) и SRMR (< 0,08), но неудовлетворительными по критерию RMSEA (> 0,08). Наилучшее соответствие продемонстрировала модель M_5 (CFI > 0,95; SRMR < 0,08), однако индекс

RMSEA был несколько выше рекомендуемого (RMSEA = 0,084).

С моделью M_5 сравнивались остальные модели. Данная модель значимо превосходила модель M_1 ($\Delta SB\chi^2(9) = 62,76$, $p < 0,001$), модель M_2 ($\Delta SB\chi^2(8) = 49,62$, $p < 0,001$), модель M_3 ($\Delta SB\chi^2(9) = 137,70$, $p < 0,001$), модель M_4

($\Delta SB\chi^2(8) = 49,62$, $p < 0,001$). Также она имела наименьшее значение информационных критериев AIC и BIC. Таким образом, модель M_5 продемонстрировала лучшее соответствие данным и значимо превосходила остальные модели.

В табл. 3 представлены факторные нагрузки переменных для модели M_5 .

Таблица 2. Робастные индексы пригодности моделей ($n = 184$)

Table 2. Robust indices of model suitability ($n = 184$)

Модели Models	$SB\chi^2(df)$	CFI	RMSEA [90% CI]	SRMR	AIC	BIC
Однофакторная модель (M_1)	168,51(57)***	0,893	0,115 [0,095; 0,135]	0,080	12535,7	12645,00
Иерархическая модель с эндогенным фактором саморегуляции (M_2)	150,73(56)***	0,911	0,106 [0,086; 0,126]	0,077	12512,2	12624,75
Модель двух независимых (некоррелирующих) латентных факторов (M_3)	239,03(57)***	0,830	0,145 [0,126; 0,164]	0,255	12615,76	12725,07
Модель двух коррелирующих латентных факторов (M_4)	150,73(56)***	0,911	0,106 [0,086; 0,126]	0,077	12512,22	12624,75
Модель двух независимых латентных факторов с перекрестными нагрузками (M_5)	99,22(48)***	0,952	0,084 [0,060; 0,107]	0,062	12464,45	12602,69

Примечание: $SB\chi^2(df)$ — значение статистики хи-квадрат Саттора-Бентлера со степенями свободы; CFI — сравнительный индекс соответствия; RMSEA — корень среднеквадратичной ошибки аппроксимации (в квадратных скобках приведены 90 % доверительные интервалы); SRMR — стандартизованный корень среднеквадратического остатка; AIC — информационный критерий Акаике; BIC — байесовский информационный критерий; *** — $p < 0,001$.

Note: $SB\chi^2(df)$ — Satorra-Bentler scaled chi-square statistic with degrees of freedom, CFI — comparative fit index; RMSEA — root mean square error of approximation (90% confidence intervals are given in square brackets); SRMR — standardized root mean square residual; AIC — Akaike information criterion; BIC — bayesian information criterion; *** — $p < 0,001$.

Таблица 3. Факторные нагрузки переменных субъектности и саморегуляции в модели M_5

Table 3. Factor loadings of the variables of subjectness and self-regulation in model M_5

Переменные Variables	Фактор «Субъектность» The «Subjectness» factor	Фактор «Саморегуляция» The «Self-regulation» factor
Методика «Уровень развития субъектности личности»		
Активность/реактивность	0,84***	-
Автономность/зависимость	0,79***	-0,15**
Целостность/неинтегративность	0,52***	-
Опосредованность/непосредственность	0,75***	0,27***
Креативность/репродуктивность	0,92***	-
Самоценность/малоценность (ничтожность)	0,86***	-
Методика «Стиль саморегуляции поведения — ССПМ 2020»		
Планирование целей	0,54***	0,53***
Программирование действий	0,43***	0,19
Настойчивость	0,54***	0,15
Моделирование значимых условий достижения целей	0,50***	0,24*
Надежность	0,27**	0,21
Оценивание результатов	0,28***	0,67***
Гибкость	0,47***	0,18*

Примечание: *** — $p < 0,001$; ** — $p < 0,01$.

Note: *** — $p < 0,001$; ** — $p < 0,01$.

Корреляции ошибок между переменными были следующими: Активность/реактивность – Автономность/зависимость ($r = 0,42$, $p < 0,001$), Целостность/неинтегративность – Опосредованность/непосредственность ($r = 0,52$, $p < 0,001$), Целостность/неинтегративность – Самоценность/малоценность (ничтожность) ($r = -0,20$, $p = 0,035$), Программирование действий – Надежность ($r = -0,29$, $p < 0,001$), Программирование действий – Настойчивость ($r = 0,26$, $p < 0,006$), Настойчивость – Гибкость ($r = 0,36$, $p = 0,001$), Настойчивость – Надежность ($r = -0,17$, $p = 0,044$), Надежность – Моделирование значимых условий достижения целей ($r = 0,26$, $p = 0,009$).

Обсуждение

Проведенный корреляционный анализ подтвердил теоретические предположения и дополнительно верифицировал эмпирические свидетельства о наличии тесной связи между феноменами субъектности и саморегуляции.

Тестировались пять моделей: однофакторная модель (M_1), иерархическая модель с эндогенным фактором саморегуляции (M_2), модель двух независимых (некоррелирующих) латентных факторов (M_3), модель двух коррелирующих латентных факторов (M_4), модель двух независимых латентных факторов с перекрестными нагрузками (M_5). Наилучшей, согласно индексам пригодности, признавалась модель M_5 , что согласуется с гипотезой о пересечении систем.

Содержательно результаты структурного моделирования можно интерпретировать следующим образом. В фактор «Субъектность» со значимыми весами входят все переменные субъектности (0,52–0,92) и с менее выраженным весами все переменные саморегуляции (0,27–0,54). Вероятно, субъектность во многом опирается на саморегуляцию, особенно в отношении планирования целей, настойчивости в достижении целей и моделирования значимых условий, в меньшей степени в субъектности присутствуют надежность (устойчивость) саморегуляции и оценивание результатов своей деятельности и поведения.

Второй фактор, включающий характеристики саморегуляции, указывал на важность планирования целей и оценивания результатов. Не все нагрузки были значимы, это может быть

связано с тем, что часть дисперсии объяснена фактором «Субъектность». Кроме того, сама структура саморегуляции может быть неоднородной, состоять из нескольких относительно самостоятельных компонентов. На это указывают и сами авторы методики: опросник включает шкалы когнитивно-регуляторных процессов и личностно-регуляторных свойств, которые слабо или незначимо связаны друг с другом [Моросанова В.И., Кондратюк Н.Г., 2020]. Саморегуляция опирается на некоторые субъектные качества: Опосредованность/Непосредственность и Автономность/Зависимость (с отрицательным знаком). При этом данные свойства имеют не столь высокие нагрузки, как характеристики саморегуляции в факторе субъектности.

Все это позволяет сделать вывод о том, что феномены субъектности и саморегуляции имеют точки пересечения (гипотеза находит эмпирическую поддержку). Субъектность в большей степени опирается на саморегуляцию, чем саморегуляция на субъектность. Однако саморегуляция не растворяется в субъектности и имеет свое феноменологическое поле, связанное, прежде всего, с планированием целей и оценкой результата деятельности.

Заключение

Феномены субъектности и саморегуляции тесно взаимосвязаны. Входит ли саморегуляция в субъектность как ее составной компонент или является самостоятельным феноменом? В статье была предпринята попытка рассмотреть 5 вариантов взаимоотношений между данными феноменами. Приоритет отдавался варианту пересечения систем, статистическая модель при этом предполагала наличие кросс-нагрузок факторов и отсутствие корреляции между факторами. Эта модель продемонстрировала наилучшую согласованность с данными.

Выражение признательности

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации № 1023031600005-5-5.1.1 (соглашение 073-03/2024-054/1 от 15.02.2024г.) по теме «Деструктивные формы реализации субъектности в подростковом возрасте как проблема образовательной среды».

Acknowledgements

The study was carried out within the framework of realization of the state task of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 1023031600005-5-5.1.1 (agreement 073-03/2024-054/1 dated 15.02.2024) on the theme «Destructive forms of realization of subjectivity in adolescence as a problem of educational environment».

Список литературы

Брушилинский А.В. Психология субъекта (лекция, прочитанная студентам, аспирантам и преподавателям факультета психологии Тверского государственного университета 19 октября 2001 г.) // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 2. С. 15–17.

Волкова Е.Н., Суворова О.В., Дунаева Н.И., Бирюкова Л.А. и др. Развитие субъектности в онтогенезе в современном социокультурном пространстве образования и семьи: учеб. пособие. Н. Новгород: Изд-во НГПУ им. К. Минина, 2012. 246 с.

Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю. Индивидуально-интеллектуальные интеграции человека. М.: Ин-т психологии РАН, 2021. 279 с. DOI: https://doi.org/10.38098/mng_21_0438

Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю. Эмпирическая психология индивидуально-интеллектуальных интеграций. М.: Ин-т психологии РАН, 2024. 290 с.

Конопкин О.А. Осознанная саморегуляция как критерий субъектности // Вестник практической психологии образования. 2012. Т. 9, № 4. С. 97–101. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2012_n4/Konopkin (дата обращения: 21.07.2024).

Моросанова В.И. Психология осознанной саморегуляции: от истоков к современным исследованиям // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. Т. 15, № 3. С. 57–82.

Моросанова В.И. Саморегуляция и индивидуальность человека / Ин-т психологии РАН; Психологический ин-т РАО. 2-е изд. М.: Наука, 2012. 519 с.

Моросанова В.И., Кондратюк Н.Г. Опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ 2020» // Вопросы психологии. 2020. Т. 66, № 4. С. 155–167.

Осницкий А.К. Проблемы исследования субъектной активности // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 5–19.

Осницкий А.К. Регуляторный опыт — основа субъектной активности человека // Теоретическая

и экспериментальная психология. 2008. Т. 1, № 2. С. 17–34.

Сергиенко Е.А., Виленская Г.А., Ковалева Ю.В. Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Ин-т психологии РАН, 2010. 352 с.

Суворова О.В. К проблеме критериев и структуры субъектности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13, № 2(5). С. 1178–1182.

Щукина М.А. Особенности развития субъектности личности в подростковом возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2004. 19 с.

Щукина М.А. Психология саморазвития личности. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2015. 348 с.

Awang Z. Structural equation modeling using Amos Graphic. Shah Alam, MY: University Technology MARA Press, 2012. 167 p.

Bentler P.M., Satorra A. Testing model nesting and equivalence // Psychological Methods. 2010. Vol. 15, iss. 2. P. 111–123. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0019625>

Brosseau-Liard P.E., Savalei V. Adjusting incremental fit indices for nonnormality // Multivariate Behavioral Research. 2014. Vol. 49, iss. 5. P. 460–470. DOI: <https://doi.org/10.1080/00273171.2014.933697>

Brosseau-Liard P.E., Savalei V., Li L. An investigation of the sample performance of two nonnormality corrections for RMSEA // Multivariate Behavioral Research. 2012. Vol. 47, iss. 6. P. 904–930. DOI: <https://doi.org/10.1080/00273171.2012.715252>

Brown T.A. Confirmatory factor analysis for applied research. N.Y.: The Guilford Press, 2015. 462 p.

Hu L., Bentler P.M. Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives // Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal. 1999. Vol. 6, iss. 1. P. 1–55. DOI: <https://doi.org/10.1080/10705519909540118>

References

Awang, Z. (2012). Structural equation modeling using Amos Graphic. Shah Alam, MY: University Technology MARA Press, 167 p.

Bentler, P.M. and Satorra, A. (2010). Testing model nesting and equivalence. *Psychological Methods*. Vol. 15, iss. 2, pp. 111–123. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0019625>

Brosseau-Liard, P.E. and Savalei, V. (2014). Adjusting incremental fit indices for nonnormality. *Multivariate Behavioral Research*. Vol. 49, iss. 5, pp. 460–470. DOI: <https://doi.org/10.1080/00273171.2014.933697>

- Brosseau-Liard, P.E., Savalei, V. and Li, L. (2012). An investigation of the sample performance of two nonnormality corrections for RMSEA. *Multivariate Behavioral Research*. Vol. 47, iss. 6, pp. 904–930. DOI: <https://doi.org/10.1080/00273171.2012.715252>
- Brown, T.A. (2015). *Confirmatory factor analysis for applied research*. New York: The Guilford Press, 462 p.
- Brushlinskiy, A.V. (2003). [Psychology of the Subject (a lecture given to students, postgraduates and teachers of the Faculty of Psychology of Tver State University on October 19, 2001)]. *Psichologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 24, no. 2, pp. 15–17.
- Dorfman, L.Ya. and Kalugin, A.Yu. (2021). *Individual'no-intellektual'nye integratsii cheloveka* [Individual-intellectual integration of a person]. Moscow: IP RAS Publ., 279 p. DOI: https://doi.org/10.38098/mng_21_0438
- Dorfman, L.Ya. and Kalugin, A.Yu. (2024). *Empiricheskaya psikhologiya individual'no-intellektual'nykh integratsiy* [Empirical psychology of individual-intellectual integrations]. Moscow: IP RAS Publ., 290 p.
- Hu, L. and Bentler, P.M. (1999). Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*. Vol. 6, iss. 1, pp. 1–55. DOI: <https://doi.org/10.1080/10705519909540118>
- Konopkin, O.A. (2012). [Conscious self-regulation as a criterion of subjectness]. *Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya* [Bulletin of Practical Psychology of Education]. Vol. 9, no. 4, pp. 97–101. Available at: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2012_n4/Konopkin (accessed 21.07.2024).
- Morosanova, V.I. (2012). *Samoregulyatsiya i individual'nost' cheloveka* [Self-regulation and human individuality]. Moscow: Nauka Publ., 519 p.
- Morosanova, V.I. (2022). [Psychology of conscious self-regulation: from origins to modern research]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya* [Theoretical and Experimental Psychology]. Vol. 15, no. 3, pp. 57–82.
- Morosanova, V.I. and Kondratyuk, N.G. (2020). [Questionnaire by V.I. Morosanova «Style of self-regulation of behavior – SSBM 2020»]. *Voprosy psikhologii*. Vol. 66, no. 4, pp. 155–167.
- Osnitskiy, A.K. (1996). [Problems of studying subject activity]. *Voprosy psikhologii*. No. 1, pp. 5–19.
- Osnitskiy, A.K. (2008). [Regulatory experience is the basis of human subjective activity]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya* [Theoretical and Experimental Psychology]. Vol. 1, no. 2, pp. 17–34.
- Schukina, M.A. (2004). *Osobennosti razvitiya sub'ektnosti lichnosti v podrostkovom vozraste: avtoref: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Features of development of personality subjectness in adolescence: Abstract of Ph.D. dissertation]. St. Petersburg, 19 p.
- Schukina, M.A. (2015). *Psikhologiya samorazvitiya lichnosti* [Psychology of self-development of personality]. St. Petersburg: SPbSU Publ., 348 p.
- Sergienko, E.A., Vilenskaya, G.A. and Kovaleva Yu.V. (2010). *Kontrol' povedeniya kak sub'ektnaya reguljatsiya* [Behavior control as subject regulation]. M: IP RAS Publ., 352 p.
- Suvorova, O.V. (2011). [To the problem of criteria and structure of subjectiveness]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 13, no. 2(5), pp. 1178–1182.
- Volkova, E.N., Suvorova, O.V., Dunaeva, N.I., Biryukova, L.A. et al. (2012). *Razvitie sub'ektnosti v ontogeneze v sovremennom sotsiokul'turnom prostранстве образования i sem'i* [Development of subjectness in ontogenesis in the modern socio-cultural space of education and family]. Nizhny Novgorod: NGPU Publ., 246 p.

Об авторах

Калугин Алексей Юрьевич
кандидат психологических наук, доцент,
заведующий кафедрой теоретической
и прикладной психологии

Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: kaluginau@yandex.ru
ResearcherID: X-7824-2018

About the authors

Alexey Yu. Kalugin
Candidate of Psychology, Docent,
Head of the Department of Theoretical
and Applied Psychology

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: kaluginau@yandex.ru
ResearcherID: X-7824-2018

Митрофанова Елена Николаевна
кандидат психологических наук,
доцент кафедры практической психологии

Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: alenafox27@mail.ru
ResearcherID: LKJ-5086-2024

Скорынин Андрей Александрович
старший преподаватель кафедры
практической психологии

Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: skorynin_aa@pspu.ru
ResearcherID: LEM-7870-2024

Elena N. Mitrofanova
Candidate of Psychology,
Associate Professor of the Department
of Practical Psychology

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: alenafox27@mail.ru
ResearcherID: LKJ-5086-2024

Andrey A. Skorynin
Senior Lecturer of the Department
of Practical Psychology

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: skorynin_aa@pspu.ru
ResearcherID: LEM-7870-2024